



ПРОЛОГ

На поверхность лезут одни дураки. Глупо так рисковать собой — всегда говорила моя мама. Мало того что там почти непрерывно падают глыбы из пояса обломков, так еще и никогда не знаешь, когда креллам вздумается напасть.

Конечно, отец отправлялся на поверхность почти каждый день — как пилоту ему просто приходилось это делать. Наверное, по маминой классификации это делало его супер-глупым, но я всегда считала его суперхрабрым.

Меня очень удивило, когда однажды, после многих лет упрасиваний, он все-таки согласился взять меня с собой наверх.

Мне тогда было семь лет, но сама я считала себя уже совсем взрослой и очень умной. Я торопливо шла следом за отцом, держа в руке фонарь, чтобы освещать усеянную булыжниками пещеру. Во многих местах каменные стены туннеля избороздились трещинами, скорее всего из-за крельских бомбардировок — у себя внизу мы ощущали их по дребезжанью посуды и мигающему свету.

Я представляла себе, что эти разбитые каменные глыбы — на самом деле искалеченные тела моих врагов, они лежали там с раздробленными костями и тянули вверх дрожащие руки в жесте полного и безоговорочного поражения.

Я была очень странным ребенком.

Когда я догнала отца, он оглянулся, потом улыбнулся. У него была самая лучшая в мире улыбка, настолько уверенная, будто его никогда не беспокоило, что о нем говорят.

Никогда не беспокоило, что он не такой, как все, или просто не вписывается в общую массу.

Хотя почему, собственно, это должно было его беспокоить? Его все любили. Даже те, кто ненавидел мороженое и игрушечные мечи, даже мелкий нытик Родж Маккеффри — все любили моего отца.

Отец взял меня за руку и указал вперед:

— Следующий участок немного сложноват. Давай я тебя подниму.

— Сама справлюсь, — сказала я и вырвала руку.

Ведь я была уже взрослая. Я сама собрала свой рюкзак и оставила Рудомета, своего плюшевого медведя, дома. Плюшевые медведи — это для малышни, даже если ты сама смастерила для своего экзоскелет из веревочек и обломков керамики.

Само собой, игрушечный истребитель я с собой взяла. Что я, дура, что ли? А вдруг мы угодим под атаку креллов, они разбомбят нам пути отступления, и нам придется до конца жизни обитать в заброшенных пустошах, где нет людей и никаких следов цивилизации?

Любой девочке нужно иметь при себе игрушечный истребитель. Просто на всякий случай.

Я отдала рюкзак отцу и посмотрела наверх через трещину в камнях. Там, за дырой наверху, было... что-то. Сквозь нее сочился какой-то странный свет, совершенно непохожий на неяркое свечение наших фонарей.

«Поверхность... Небо!» Я заулыбалась и полезла по крутому склону — частично каменистому, частично галечному. Руки то и дело соскальзывали, и я поцарапалась об острый край, но не расплакалась. Дочери пилотов не плачут.

На глаз до трещины в своде пещеры было метров сто. Ну почему же я такая маленькая?! Ничего, скоро я вырасту такой же высокой, как мой отец. И тогда уже не буду самой мелкой из всех детей. Я посмеюсь над всеми с высоты своего роста, и им придется признать, какая я большая.

Я добралась до вершины камня и что-то тихо проворчала. Следующая зацепка была слишком далеко. Я прикинула расстояние — и решительно прыгнула. Как и у всякой девочки, выросшей в семье Непокорных, у меня было сердце звездного дракона.

И тело семилетнего ребенка. Так что я недопрыгнула на добрых полметра.

Сильная рука подхватила меня, не дав упасть. Отец усмехнулся. Он держал меня за комбинезон, который я разрисовала маркерами под его летный костюм. Я даже изобразила слева на груди такой же значок, как у него, — знак пилота. Он был сделан в виде маленького истребителя со следами выхлопа внизу.

Отец втащил меня к себе на камень, потом свободной рукой включил свой энергошнур. Устройство выглядело как металлический браслет, но стоило отцу включить его, постукав двумя пальцами по ладони, как оно вспыхнуло ярко-красным сиянием. Отец дотронулся до камня наверху, а когда отвел руку, от нее потянулась густая полоса света, словно обхватившая камень сверкающая веревка. Он плотно обвязал другим ее концом меня под мышками, потом отделил веревку от браслета. Браслет погас, но светящаяся веревка осталась на месте, накрепко прикрепляя меня к камням.

Я всегда думала, что энергошнуры обжигают на ощупь, но он был просто теплый. Как объятия.

— Ну что, Юла, — сказал отец, назвав мое прозвище. — Попробуй еще раз.

— Мне он не нужен! — возмутилась я, дернув страховочный шнур.

— Уважь своего боязливого отца.

— Боязливого? Да ты ничего не боишься! Ты же воюешь с креллами!

Отец рассмеялся:

— Я лучше встречусь с сотней крелльских кораблей, чем с твоей матерью, если ты вернешься домой со сломанной рукой, малышка.

— Никакая я не малышка! А если я сломаю руку, можешь оставить меня тут, пока она не срастется! Я буду сражаться с пещерными чудовищами, одичаю, стану ходить в шкурах и...

— Лезь давай, — с улыбкой сказал отец. — С пещерными чудовищами сразишься в другой раз. Хотя мне кажется, тут ты не найдешь никаких чудовищ, кроме длиннохвостых и зубатых.

Скрепя сердце пришлось признать, что энергошнур действительно помог, и я подтянулась выше. Мы добрались до трещины, и отец подтолкнул меня вперед. Я ухватилась за край и вылезла из пещеры, впервые в жизни оказавшись на поверхности.

Она была такая... открытая!

Я раскрыла рот от изумления и уставилась наверх, на... ничто. Просто... просто поверхность. Ни потолка, ни стен. Я всегда представляла себе поверхность как очень и очень большую пещеру. Но она оказалась еще больше и вместе с тем меньше, чем я ожидала.

Вот это да!

Отец выбрался следом за мной и отряхнул комбинезон от пыли. Я посмотрела на него, потом снова на небо. И заулыбалась до ушей.

— Не страшно? — спросил отец.

Я сердито зыркнула на него.

Отец рассмеялся:

— Извини. Неправильное слово. Просто многим людям небо кажется пугающим, Спенса.

— Оно замечательное! — прошептала я, глядя на эту безбрежную пустоту, на воздух, уходящий вверх, в бесконечную серость, и постепенно сливающийся с чернотой.

Но все же в моем воображении поверхность рисовалась мне более светлой. Нашу планету Россыпь защищало несколько мощных слоев древнего космического мусора, который находился высоко-высоко, за пределами атмосферы. Потерпевшие крушение орбитальные станции, огромные металлические

щиты, глыбы старого металла размером с гору — их было там множество слоев, эдаких сломанных панцирей планеты.

Ничего из этого мы не строили. Мы свалились на эту планету, еще когда моя бабушка была маленькой, и все это добро было древним уже тогда. Однако кое-что до сих пор работало. Например, в нижнем слое, ближайшем к планете, были гигантские светящиеся прямоугольники. Я слышала о них. Небесные светильники — огромные летающие фонари, дающие планете освещение и тепло.

Предполагалось, что там еще куча всяких штук поменьше, особенно в самом нижнем слое. Я сощурилась и попыталась что-нибудь разглядеть, но до космоса было слишком далеко. Так что, кроме двух ближайших светильников, висевших прямо над нами, я увидела лишь неясные узоры в серой вышине. Пятна посветлее и пятна потемнее.

— Креллы живут там, наверху? — спросила я. — За поясом обломков?

— Да, — сказал отец. — Они пролетают через дыры в слоях и нападают на нас.

— А как они нас находят? — не унималась я. — Здесь же так много места! — Похоже, мир был куда больше, чем мне казалось в наших нижних пещерах.

— Они каким-то образом чувствуют, когда люди собираются вместе, — ответил отец. — Каждый раз, как численность населения какой-нибудь пещеры становится слишком большой, креллы нападают и бомбят ее.

Когда-то наш народ был частью флота космических кораблей. Креллы загнали нас к этой планете, где мы совершили аварийную посадку и были вынуждены разделиться, чтобы выжить. Теперь мы жили кланами, каждый из которых вел свою родословную к экипажам одного из тех кораблей.

Бабуля рассказывала мне эти истории много раз. Мы жили здесь, на Россыпи, примерно семьдесят лет, кочевали кланами по пещерам и боялись собираться вместе. До недавнего времени. Теперь мы начали строить истребители и создали тайную базу на поверхности. Мы начали отбиваться.

— А где база Альта? — спросила я. — Ты говорил, мы выйдем наверх рядом с ней. — Я показала на какие-то подозрительные скалы. — Это там, да? Я хочу посмотреть на истребители!

Отец нагнулся, развернул меня на девяносто градусов и показал:

— Вон там.

— Где? — Как я ни всматривалась, в той стороне были лишь серо-голубые камни и пыль, да еще кратеры от обломков, упавших из мусорного слоя. — Я ничего не вижу.

— В том-то и смысл, Спенса. Мы должны прятаться.

— Но ты же сражаешься, верно? А вдруг креллы со временем узнают, откуда вылетают истребители? Почему бы вам не переместить базу?

— Нам приходится оставлять ее здесь, над Огненной. Эта та большая пещера, которую я тебе показывал на прошлой неделе.

— Где все эти машины?

Отец кивнул:

— В Огненной мы обнаружили заводские цеха, это и позволило нам построить истребители. Нужно жить поблизости, чтобы защищать цеха, но мы летаем повсюду, где спускаются креллы, везде, где они хотят бомбить.

— Ты защищаешь другие кланы?

— Для меня есть только один клан — человечество. До того как мы потерпели крушение здесь, мы все были частью одного флота, и когда-нибудь все кочующие кланы вспомнят об этом. Они придут, когда мы их позовем. Мы соберемся все вместе, построим большой город и заново возродим цивилизацию.

— А креллы ее не разбомбят? — спросила я, но тут же сама и ответила: — Нет. Не смогут, если мы будем достаточно сильными. Если будем защищаться.

Отец улыбнулся.

— Я заведу себе собственный корабль, — сказала я. — Буду летать на нем, как ты. И тогда никто в клане не сможет посмеяться надо мной, потому что я буду сильнее всех!

Отец ответил не сразу, внимательно глядя на меня.

— Так ты поэтому хочешь стать пилотом?

— Никто не посмеет обзывать пилота мелюзгой! — сказала я. — Никто не будет считать меня странной, и я перестану огребать неприятности из-за драк, потому что драка станет моей работой! Меня больше не будут обзывать и все сразу полюбят.

«Как тебя», — подумала я.

После этих слов отец по какой-то глупой причине обнял меня, хотя я сказала чистую правду. А я обняла его в ответ, потому что родители это любят. Кроме того, приятно, когда тебе есть кого обнять. Может, не стоило оставлять Рудомета внизу.

У отца перехватило дыхание, и я решила, что он плачет, но он не плакал.

— Смотри! — воскликнул он, указывая на небо. — Вон там!

И снова все это пространство поразило меня. Оно было таким большим!

Отец показывал на что-то конкретное. Я присмотрелась, но не увидела ничего особенного, только один участок серо-черного неба был темнее остальных. Неужели дыра в поясе обломков?

В это мгновение я заглянула в бесконечность. Тело сотрясла дрожь, как будто рядом упал миллиард метеоритов. Я увидела сам космос, с маленькими белыми точечками, совершенно не похожими на небесные светильники. Эти точки сверкали, и казалось, что они где-то очень-очень далеко.

— Что это за огоньки? — шепотом спросила я.

— Это звезды, — сказал отец. — Я летаю рядом с обломками, но звезд почти никогда не вижу. До них слишком много слоев. Я всегда спрашиваю себя: а что, если вырваться туда, ввысь?

В его голосе было такое благоговение. Никогда еще я не слышала, чтобы он так говорил о чем-нибудь.

— Ты поэтому летаешь, да? — спросила я.

Мне всегда казалось, что отца совсем не интересует то восхищение, которое выражали ему члены клана. Как ни странно, оно его даже смущало.

— Когда-то мы жили там, среди звезд, — прошептал он. — Там наше настоящее место, а не в этих пещерах. Дети, что смеются над тобой, пойманы в ловушку этими камнями. У них и головы из камня, и сердца. А ты стремись к чему-нибудь более высокому. Более величественному.

Обломки сдвинулись, отверстие медленно сжималось, пока в конце концов не осталась видна только одна звезда, светившая ярче остальных.

— Стремись к звездам, Спенса, — сказал отец.

Я точно знала, что когда-нибудь обязательно стану пилотом. Буду летать и сражаться. Я только надеялась, что отец оставит немного креллов и на мою долю.

В небе что-то сверкнуло, и я прищурилась. Где-то в вышине далекий обломок ярко вспыхнул, войдя в атмосферу. За ним упал еще один. И еще. Потом они посыпались дюжинами.

Отец нахмурился и потянулся к рации — крутой штуке, которую выдавали только пилотам. Он поднес массивное устройство к губам:

— Говорит Ловец. Я на поверхности. Вижу падение обломков неподалеку от Альты.

— Мы уже заметили, Ловец, — донесся из рации женский голос. — Показания радара сейчас изучают, и... Тьма! Это креллы.

— К какой пещере они направляются? — спросил отец.

— Они направляются... Ловец, они направляются сюда. Летят прямо к Огненной. Помогите нам, звезды! Они засекли базу!

Отец опустил рацию.

— Обнаружен массовый прорыв креллов! — продолжал звучать в рации женский голос. — Всем, всем, всем! У нас ЧП! Чрезвычайно большая группа креллов прорвалась через слой обломков! Всем истребителям доложить! Они летят к Альте!

Отец взял меня за руку:

- Идем-ка обратно.
- Ты нужен там! — сказала я. — Ты должен сражаться!
- Я должен отвести тебя...
- Я сама доберусь. Подумаешь — самые обычные туннели.

Отец снова посмотрел на обломки.

— Ловец! — послышался из рации новый голос. — Ловец, ты тут?

— Барбос? — отозвался отец, щелкнув кнопкой и поднимая рацию к губам. — Я на поверхности.

— Прочисти мозги Виражу и Свингу! Они заявляют, что нам надо бежать.

Отец беззвучно выругался и снова нажал на кнопку.

— ...еще не готовы к открытому столкновению, — донеслось из рации. — Нас уничтожат.

— Нет! — возразила другая женщина. — Мы должны остаться и принять бой.

Дюжина голосов заговорила одновременно.

— Броня права, — сказал отец, и все в канале, что примечательно, сразу притихли. — Если они начнут бомбить Огненную, мы потеряем завод. Мы потеряем все. Если мы хотим когда-нибудь вернуть себе цивилизацию, вернуть весь мир, мы должны биться здесь!

Я молча ждала, затаив дыхание, и надеялась, что отцу сейчас не до того, чтобы отсылать меня домой. При мысли о сражении меня бросало в дрожь, но я все равно хотела это видеть.

— Принимаем бой, — сказала та женщина.

— Принимаем бой, — повторил Барбос. Я знала его по имени, но никогда не видела. Он был отцовским напарником. — Наконец-то настоящее дело! Ну что, Ловец, на этот раз я тебя точно обставлю в небе! Вот увидишь, скольких я собью!

Кажется, Барбос немного нервничал, но, судя по голосу, ему не терпелось ринуться в битву. Он сразу мне понравился.

Отец чуть помедлил, потом сдернул с руки браслет с энергошнуром и сунул его мне:

— Обещай, что пойдешь напрямиком домой.

— Обещаю.

— Нигде не задерживайся.

— Не буду.

Отец поднял рацию:

— Это мы еще посмотрим, Барбос! Все, я бегу к Альте.

Конец связи.

Он помчался по пыльной земле в ту сторону, куда прежде указывал. Потом остановился и повернул обратно. Сорвал с груди значок, бросил мне, словно сверкающий осколок звезды, и опять побежал к тайной базе.

Конечно же, я немедленно нарушила обещание. Я вернулась к трещине, сжимая в руке отцовский значок, спряталась там и сидела, пока не увидела, как истребители взмыли с Альты и устремились в небо. Прищурившись, я разглядела, как сверху к ним метнулся рой темных крельских кораблей.

В конце концов, в кои-то веки проявив здравомыслие, я решила, что лучше будет послушаться отца. Я спустилась в пещеру при помощи энергошнура, подобрала свой рюкзак и направилась в туннели. Я решила, что если потороплюсь, то успею вернуться в свой клан как раз вовремя, чтобы послушать трансляцию боя по нашему единственному общественному радиоприемнику.

Но я ошиблась. Дорога оказалась длиннее, чем мне запомнилось, да я еще и умудрилась сбиться с пути. Так что я бродила по туннелям, представляя себе грандиозную битву наверху, а в это время мой отец позорно покинул строй и бежал от врагов. В наказание его сбило его же собственное звено. К тому времени, как я добралась домой, битва была выиграна, мой отец погиб.

А я получила клеймо дочери труса.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

1

Я осторожно кралась за своим врагом через пещеру.

Я сняла ботинки, чтобы они ненароком не скрипнули. Стащила носки, чтобы не поскользнуться. Ощущая приятную прохладу камня под ногами, я сделала очередной бесшумный шаг вперед.

В этой впадине единственным источником света было слабое свечение от личинок на потолке, которые питались сочащейся через трещины жидкостью. Приходилось некоторое время посидеть в полумраке, чтобы глаза приспособились к такому освещению.

В темноте снова что-то шевельнулось. Во-он там, возле тех черных глыб — наверное, вражеских укреплений. Я пригнулась к земле и застыла, вслушиваясь, как шуршат камни под ногами моего врага. Я представила себе крелла — жуткого красноглазого инопланетянина в черных доспехах.

Твердой рукой, мучительно медленно, я поднесла ружье к плечу, затаила дыхание и выстрелила.

Пронзительный визг боли был мне наградой.

«Есть!»

Я похлопала по запястью, включая отцовский энергошнур. Он откликнулся красно-оранжевым светом, на мгновение ослепив меня.

А потом я бросилась вперед за своим призом — мертвой крысой, пронзенной насквозь.

В луче света тени, представлявшие мне вражескими укреплениями, снова превратились в камни. Моим врагом

была пухлая крыса, а моим оружием — самодельное гарпунное ружье. Девять с половиной лет миновало с того рокового дня, когда я выбралась на поверхность вместе с отцом, но мое воображение было все таким же живым. Пережить монотонность существования было легче, если я притворялась, что занимаюсь чем-то более важным, чем охота на крыс.

Я подняла дохлого грызуна за хвост:

— Теперь ты познала силу моего гнева, адская тварь!

Оказалось, что из странных девочек вырастают странные молодые женщины. Но я считала, что следует оттачивать навыки глумления и сарказма для того времени, когда я действительно начну сражаться с креллами. Бабуля говорила, что великие воины знают, как бахвальством вселять страх и неуверенность в сердца врагов.

Я засунула трофей в рюкзак. Это была уже восьмая — неплохая добыча. Успею ли я выследить еще одну?

Крошечные часы на браслете энергошнура, рядом с индикатором зарядки, показывали: «0900». Наверное, пора было поворачивать обратно, а то я могла пропустить слишком много уроков.

Я закинула рюкзак на плечо, подобрала ружье, собранное из найденных в пещерах деталей, и зашагала в сторону дома. Ориентировалась я по картам, которые сама нарисовала в маленьком блокнотике и с тех пор постоянно дополняла.

В глубине души я жалела, что приходится возвращаться и покидать эти безмолвные пещеры. Они напоминали мне об отце. Кроме того, мне нравилось, как здесь... пусто. Некому было насмеяться надо мной, некому глазеть на меня, шептать оскорбления, пока у меня не лопнет терпение и я не решу защитить честь своей семьи, врезав обидчику кулаком прямо по его тупой морде.

Я остановилась на знакомом перекрестке, где пол и потолок сменялись странными металлическими узорами. Обе поверхности покрывали круглые рисунки с какими-то научными надписями. Я всегда думала, что это, скорее всего, старин-

ные карты галактики. На дальней стороне огромного зала торчала древняя каменная труба, одна из тех, по которым воду перемещали между пещерами, очищали и использовали для охлаждения станков. В ведре, которое я оставляла под протекающим швом, набралась уже половина, и я жадно припала к нему. Прохладная и освежающая, вода имела металлический привкус.

Мы мало знали о людях, построивших эти цеха. Как и пояс обломков, они уже были здесь, когда наш маленький космолот совершил вынужденную посадку на эту планету. Они были делом рук человеческих, так же как и надписи в других местах, подобных этому, тоже выведенные на человеческих языках. Но насколько дальними родственниками эти люди были по отношению к нам, оставалось загадкой и поныне. Никого из них здесь не осталось, а оплавленные пятна и древние обломки свидетельствовали о том, что они вели собственную войну.

Я перелила остаток воды в свою флягу, ласково похлопала большую каменную трубу, прежде чем убрать ведро, и пошла дальше. Станки словно бы откликнулись далеким знакомым гудением. Я двинулась на звук и через некоторое время добралась до светящейся широкой трещины в камне слева от меня.

Я поднялась к ней и заглянула в Огненную, мою родную пещеру и самый большой из подземных городов, входящих в Лигу Непокорных. Мой наблюдательный пункт располагался высоко, и оттуда открывался потрясающий вид на большую пещеру, заполненную приземистыми квадратными домами, которые напоминали кубики.

Мечта моего отца исполнилась. В тот день, девять с лишним лет назад, неопытные пилоты, одолевшие креллов, основали новое государство. Десятки некогда кочевых кланов собрались вместе и заселили Огненную и соседние с ней пещеры. Однако каждый клан по-прежнему сохранял свое соб-

ственное название, восходящее к названию того корабля или корабельного отсека, откуда он вел свой род. Мой клан носил имя «Мотористы» — от старого слова, обозначавшего машинную команду.

Все мы называли себя Непокорными — по имени нашего изначального флагманского корабля.

Конечно же, воссоединившись, мы привлекли внимание креллов. Инопланетяне по-прежнему стремились уничтожить человечество, так что война продолжалась и нам требовался постоянный приток истребителей и пилотов, чтобы защищать наше молодое государство.

Над зданиями Огненной высились древние домны, нефтеперерабатывающие установки и цеха, качавшие из глубин расплавленную породу, а затем создающие детали для постройки истребителей. Все это оборудование было удивительным и совершенно уникальным: хотя техника в других пещерах обеспечивала тепло, электричество и фильтрованную воду, но только мощности Огненной позволяли организовать производство.

От проникающего сквозь трещину горячего воздуха мой лоб покрылся бусинками пота. Огненная, со всеми ее цехами, очистительными сооружениями и цистернами с водорослями была настоящим пеклом. И хотя здесь хватало освещения, почему-то всегда казалось, что внутри мрачно из-за лежащих на всем красно-оранжевых отблесках, которые шли от нефтеперегонных установок.

Я спустилась от трещины к старому шкафчику ремонтников — когда-то я нашла его тут в стене. Его дверца на первый взгляд не отличалась от других секций каменного туннеля и потому обеспечивала подобие безопасности. Я отворила дверцу; за ней лежало мое скудное тайное имущество. Кое-какие запасные части для гарпунного ружья, запасная фляга и пилотский значок отца. Я потеряла его на удачу, потом сложила в шкафчик энергошнур, блокнот с картами и ружье.

Оттуда я достала копьё с грубым каменным наконечником, защелкнула дверцу и закинула рюкзак на плечо. Нести восемь крыс может быть на удивление неудобно, особенно если твое тело даже к семнадцати годам отказалось вырасти выше ста пятидесяти одного сантиметра.

Я спустилась к нормальному входу в пещеру. Его охраняли двое солдат из наземных войск, вряд ли бывавшие когда-то в настоящем бою. Хотя я знала их обоих, они все равно заставили меня отойти в сторону и притворились, будто уточняют по рации, можно ли мне войти. На самом деле им просто нравилось заставлять меня ждать.

Каждый день. Каждый, тьма его побери, день.

Через некоторое время Алуко подошел ко мне и начал с подозрением копать в моем рюкзаке.

— Ну, и какую контрабанду я, по-твоему, могу принести в город? — спросила я его. — Щебенку? Мох? Может, какие-нибудь камни, оскорбляющие твою мать?

Алуко уставился на мое копьё, словно недоумевая, как мне удалось с таким примитивным оружием добыть восемь крыс. Вот и пускай ломает голову. В конце концов он сунул мне рюкзак обратно:

— Проваливай, трусиха.

«Так, спокойно». Я вскинула подбородок:

— Однажды ты услышишь мое имя и заплачешь от счастья при мысли о том, что когда-то тебе повезло помогать дочери Ловца.

— Я скорее вообще забуду, что знал тебя. Вали давай.

В Огненную я вошла с гордо поднятой головой и сразу же направилась к Великому промышленному подъему — так назывался мой район. Я пришла во время пересменки, и мне навстречу шагали рабочие в комбинезонах разных цветов; цвет обозначал их место в огромном механизме, благодаря которому существовала Лига Непокорных и продолжалась война против креллов. Это были работники санитарно-гигиенической службы, ремонтники, водорослеводы.

Все, кроме пилотов. Во внеслужбное время пилоты оставались в глубоких пещерах, в резерве, а те, кто находился на дежурстве, жили в Альте — на той самой базе, при защите которой погиб мой отец. Она перестала быть секретной и превратилась в крупную военную базу на поверхности, где размещались десятки кораблей, здание командного центра и учебно-тренировочные комплексы. Именно там я должна была поселиться с завтрашнего дня, когда выдержу тест и стану кадетом.

Я прошла под большим металлическим памятником Первым Гражданам — группе людей, с вызовом обращавших к небу символическое оружие. За их спинами были изображены взлетающие корабли. Хотя этот памятник посвящался тем, кто участвовал в знаменитой Битве за Альту, моего отца среди них не было.

Следующий поворот привел меня к нашему дому, одному из многих металлических кубиков, прилепившихся к более крупному центральному. Наш был невелик, но его хватало для троих, особенно с тех пор, как я стала целыми днями пропадать за пределами пещеры, охотясь и исследуя окрестности.

Матери дома не было, а Бабулю я нашла на крыше: она сворачивала роллы из водорослей, чтобы потом продать их с нашей тележки. Официальная работа для матери была запрещена из-за того, что якобы сделал отец, поэтому нам приходилось как-то изворачиваться.

Заслышав меня, Бабуля подняла голову. Звали ее Бекка Найтшейд — я носила ту же фамилию, — но даже те, кто был едва с ней знаком, называли ее Бабулей. Несколько лет назад она почти полностью потеряла зрение из-за катаракты. Спина ее совсем сгорбилась, а худые руки стали похожи на палки. Но она все равно оставалась самым сильным человеком из всех, кого я знала.

— О-о! — сказала Бабуля. — Никак Спенса? Сколько сегодня подстрелила?

— Восемь! — Я бросила добычу к ее ногам. — И некоторые очень даже жирненькие!

— Садись, садись. — Бабуля отодвинула в сторону циновку с водорослями. — Давай-ка сразу освежаем их и приготовим. Если поторопимся, твоя мать сможет их сегодня же продать, а я выдублию шкурки.

Возможно, мне все-таки стоило пойти на уроки — Бабуля снова о них забыла, — но был ли в этом смысл, если честно? В то время нам просто рассказывали о том, какие виды работ существуют в пещере. Я уже выбрала, кем стану. Хотя все знали, что тест на пилота очень трудный, мы с Роджем готовились к нему десять лет. И точно знали, что пройдем его. Так зачем мне слушать о том, как круто выращивать водоросли или заниматься еще чем-нибудь в том же духе?

Кроме того, раз уж мне приходилось тратить время на охоту, я пропустила много уроков, а значит, ни для какой другой работы все равно не подойду. А вот занятия по проектированию и ремонту кораблей, математике, военной истории и всем остальным наукам, как-то связанным с полетами, я не пропускала никогда. Любой же другой урок, на который удавалось попасть, считался уже бонусом.

Я уселась и стала помогать Бабуле потрошить крыс. Она работала на ощупь, быстро и аккуратно.

— Про кого хочешь послушать сегодня? — спросила Бабуля, опустив голову и почти закрыв глаза.

— Про Беовульфа!

— А-а, короля гаутов! А может, про Лейфа Эриксона? Твой отец любил его больше всех.

— Он убил дракона?

— Он открыл новый мир.

— С драконами?

Бабуля усмехнулась:

— С пернатым змеем, если верить некоторым легендам, но я не слыхала, чтобы они сражались. Итак, Беовульф. Он был сильным человеком. И кстати, твоим предком. Дракона

он убил уже в старости. Сперва он прославился победами над чудовищами.

Я молча работала ножом, свежая и потроша крыс, потом нарезала мясо и отправляла в кастрюлю тушиться. Большинство людей в городе жили на макаронах из водорослей. Настоящее мясо коров или свиней, которых выращивали в пещерах со специальным освещением и регулированием температурно-влажностного режима, было слишком большой редкостью, чтобы есть его каждый день. Так что их заменили крысы.

Мне нравилось, как Бабуля рассказывает истории. Ее голос становился тихим, когда шипели монстры, и громким, когда похвалялись герои. Ее проворные пальцы делали свою работу, пока сама она плела повествование о древнем героевикинге, который пришел на помощь датчанам в час нужды. О войне, которого любили все. О человеке, который храбро сражался даже против врага, превосходящего его числом и могуществом.

— А когда чудовище сбежало, чтобы умереть, — сказала Бабуля, — герой поднял над головой ужасный трофей — лапу Гренделя. Он отомстил за погибших и доказал свою силу и доблесть.

Снизу донеслось позвякивание. Мать вернулась домой. Но я решила пока проигнорировать это.

— Он оторвал ему лапу голыми руками? — спросила я.

— Он был сильным, — ответила Бабуля, — и настоящим воином. Но его народ сражался руками и мечом. — Она подалась вперед. — А вот тебе в бою придется больше шевелить мозгами. Пилоту истребителя не нужно отрывать кому-то лапы. Ну что, упражнения-то делала?

Я закатила глаза.

— Я все вижу, — сказала Бабуля.

— Нет, не видишь!

— Закрывай глаза.

Я закрыла глаза и запрокинула голову, обратив лицо к далекому потолку пещеры.